

18+

Александр Ступин

**Детка Мороза
в поисках
Санты**

Александр Ступин

Детка Мороза в поисках Санты

«Издательские решения»

Ступин А. Ю.

Детка Мороза в поисках Санты / А. Ю. Ступин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-591257-2

«В старину люди знали, что обижать просто так никого нельзя, и особенно духов: лесных, зимних, летних, морских... Они безобидны, если их понимаешь и принимаешь, как природу, что нас окружает, как весь Божий мир».

ISBN 978-5-00-591257-2

© Ступин А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

ДЕТКА МОРОЗА В ПОИСКАХ САНТЫ	6
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Детка Мороза в поисках Санты

Александр Ступин

Лариса Александровна Ступина *Оформление обложки*

© Александр Ступин, 2022

ISBN 978-5-0059-1257-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕТКА МОРОЗА В ПОИСКАХ САНТЫ

Новогодняя история

Глава I

За старым сараем с его северной стороны ветра насобирали здоровенный сугроб. Он вырос почти до крыши, закрыл окно и ослепительно сверкал на солнце, если оно выглядывало из плотных декабрьских туч. Зимой к старому сараю никто не ходил, и поэтому снег вокруг был чистый, без следов неряшливых дорожек.

Раньше к саду бегали зайцы. Не то чтобы им так уж нравилась кора яблонь, но голод не тётка. С южной стороны кора была потеплее и даже оттаивала от льда. Они грызли её немилосердно, и случалось, что дерево погибало. На злодеев ушастых ставили силки, натравливали собак, охотились. Один зоолог, который тоже имел дачку в том районе, соорудил кормушку вроде шалашика и стал зайцев подкармливать: картошки им насыплет, яблок мелких, припасённых с осени, капусты, моркови нарезанной. Они и перестали по садам шастать.

Лежит снег чистенький, ровненький. Только складочки, что ветра вывели, его гладь нарушают. И сугроб вышел на загляденье, будто вовсе не из снега он, а из дорогого итальянского белого мрамора сделан. Прислонился к сараю одной стороной, и над крышей вершина его возвышается. Никого. Тишина. Вот солнца круг сквозь облака-тучки, как нарисованный блёклой краской. Смотришь на него и глаза не прикрываешь – не слепит. Даже птицы куда-то подевались, а вроде и мороз не сильный, так, слегка щёки прижигает и за нос дёргает.

«Хрусть-хрусть... Уф-уф...» – кто-то завозился в сугробе. Один склон его дал трещину и даже осыпался чуть-чуть. Пыхтит, сопит странный зверь-незверь, силясь выбраться наружу. Из трещины полетели комочки снега и покатались по склону. «Уф-уф... Шур-шур...» Снег летит уже из небольшой норки, а никто не показывается, застрял, наверное, и расширяет проход. «Хрусть, хрусть... Фыр-хряп...» Проход стал расширяться, расширяться, пока оттуда не показались лапки и мордочка с забавными чуть оттопыренными, но гладкими будто изо льда ушками какого-то зверька величиной с крупного кота. Или не зверька? Если судить по тому, что он был без одежды, то, пожалуй, это был зверёк. Люди всегда ходят в одежде, если они живут не в Африке или не моются в ванной. Этот же был без ничего. Тело его было покрыто шёрсткой-шубкой, да и как зимой без шёрстки, замёрзнешь! Голова была похожа на человеческую, но тоже покрыта шёрсткой, мордочка-личико напоминала изображение гномика в детских книжках. Только там это были старички, а у этого было детское лицо и конечно же шаловливые, проказливые глазки с короткими ресничками и бровками.

Существо наконец полностью выбралось из норки и скатилось по склону. Ух! Было оно действительно необычное, странное. Например, его шубка была удивительных цветов, и они постоянно изменялись, как северное сияние. У незнакомца были две ручки с пятью пальчиками, на концах которых были маленькие прозрачные коготки, ножек тоже было две, на каждой из них по пять пальчиков, и тоже с коготками. Можно было предположить, что он легко передвигается по снежному насту и льду. У него не было хвоста, усиков, острых зубов. Скорее всего, это был маленький человечек, которых рисовали в народе на небольших картонках, снабжая разными пояснениями вроде этого: «Дух лесной зимний. Детка Мороза». Такие картинки вешали у себя в избах крестьяне.

У Детки Мороза не было пышной шубы, бороды и посоха, которые почему-то пририсовывали Деду Морозу на поздравительных новогодних открытках. Детка Мороза был от Мороза и ничего лишнего не имел, чего не было бы в богатейшей природной кладовой-гардеробе. Из сотен тысяч разнообразных по форме снежинок было сплетено его одеяние, которое восхитительно переливалось на солнце, как самые дорогие бриллианты. Глазки его – цвета еловых шишечек, а губки – цвета озёрного льда. Красавец со всех сторон.

* * *

«Эй, ко мне, Линда, Гера! Ко мне! Не бойтесь, они не кусаются. Вам – налево, и дальше по аллее номер двенадцать, там найдёте свой дом!» – за забором зашумел сторож дачного посёлка, отгоняя собак и помогая кому-то найти дорогу. «Ну что, дурочки, что пристали к людям? А-а-а... Пахнет приятно. Вам бы только брюхо набить. Вы так работали бы, как за куском скачете. Да хватит, хватит прыгать. Новый год люди справлять приехали, продукты несут. Потому и запахи такие. Не дали вам ничего, вы уж и так, и эдак... Обидели псина. Погодите, после нанесут остатков, обожрётесь ещё. Пойдёмте. Вперёд!»

Голос был совсем рядом, слышался лай и поскуливание собак. Детка Мороза быстро огляделся и легко, как на коньках по льду, заскользил к забору. «Вот они, люди... Вот они какие. Лохматые и с хвостами. Совсем на нас не похожие», – шептал он, цепляясь за штакетник, чтобы получше разглядеть новых знакомых, но забор со стороны аллеи закрывал сугроб.

«Ну, давайте знакомиться», – хихикнул снежный мальчишка, когда огромная рыжая псина подбежала к забору, за которым он стоял. Цепляясь коготками за доски, Детка перелез через заборчик и упал прямо на собаку. Хрум! Снежная шапка обрушилась на собаку. Она отскочила испуганно и затрясла головой, пытаясь стряхнуть снег. Детка Мороза лежал прямо перед ней, но она его не видела. Его прекрасная шубка сливалась со снегом. А почему же сливалась? Она и была снежной, точно такой же, из таких же снежинок, как и тот сугроб, и снежный пласт.

«Здравствуй, человек! Меня зовут – Детка Мороза. Я давно хотел с тобой познакомиться. Какой ты большой и пушистый! Шубка у тебя, как мох на болоте. Носик чёрненький такой. – Он погладил её нос, и собака визгнула, отскочила от него, опустила морду вниз и стала тереть нос лапой. Холодно. – Ой, какая ты игривая, скачешь...» Скользнув по снегу, Детка Мороза оказался сзади и дотронулся до её хвоста.

– Ух, какой пушистый!

– У-у-у-гав, – завизжала собака и, поджав хвост, бросилась за угол аллеи.

– Куда же ты? Играем в догонялки? Я – за тобой!!!

Зрелище было великолепное. По аллее летела, поджав хвост, собака Гера, огромная, рыжая, мохнатая, а за ней – то словно позёмка февральская, то как вихрь снежный январский, то книзу, то вверх столбиком, да крутит, крутит снежную пыль, и по сторонам разбрасывает весело. Ух как весело, особенно когда ветерок с морозцем. Догнала Гера сторожа, потом подружку Линду, и дальше несётся. Холодно.

«Эй, куда это ты так, словно стая волков за тобой гонится? Гера! Ах, голову совсем потеряла псина». Вихрь налетел на сторожа и промчался вперёд, обморозив идущего и бегущую рядом Линду, вторую собаку. Лицо сторожа от снега стало белым, нос прихватило, и он стал судорожно хватать воздух ртом – кислорода не хватало. «Ух, ох, да что же это? Дышать нечем. Ой, как нос-то прихватило и щёку обморозило». Собаке тоже досталось: она чуть присела на задние лапы, поджав подмороженную переднюю, и жалобно заскулила. «Что, тоже досталось? Откуда только налетел морозец? Прямо дух перехватило. Пойдём-ка быстрее в нашу берлогу, а то замёрзнем совсем. Ну его к лешему, обход этот, кто в такой мороз к нам припрётся?» Они развернулись и быстро скрылись в ближайшей аллее. Детка Мороза остался один.

Кто заезжал в дачное товарищество зимой, тот помнит эту грустную картину зимнего запустения. Домики, сарайчики, всё больше недостроенные, недоделанные, но уже состарившиеся, прятались смущённо в снегу; серые заборчики из редкого штакетника, покосившиеся в разные стороны или уж совсем упавшие, обозначали границы участков; торчали из-под сугробов какие-то ржавые бочки, горки досок полусгнивших, кучки старого кирпича и много другого, что давно нужно было бы выбросить, да жалко. Когда придёт весна, деревья покроются

бурной листвой, а от земли потянутся травы, то этот хлам не так будет бросаться в глаза. А сейчас это – картины поля после битвы.

Детка Мороза брёл по заснеженной аллее, растерянно трогал стволы вытянувшихся сосен и елей. Нижние ветки у них были срезаны, потому что мешали проезду машин, а там, повыше они были припудрены снежной пылью и инеем. Треск-треск, треск-треск – звенело дерево от морозца. Никого. Тихо и печально. Вдали, в морозном тумане прятались берёзовые околки, и зимнее солнце уже клонилось к горизонту. День кончался. «Для первого дня достаточно. Устал. Скоро папенька придёт. Пойду и я спаточки», – Детка Мороза потянулся, сладко зевнул и, выбрав сугроб побольше, нырнул в него. Морозное облачко вырвалось из сугроба и опустилось на ближайшие деревья и кусты колючим инеем. А потом пришёл настоящий Мороз и зашагал по крышам домов, верхушкам деревьев. Всё в морозном тумане. Даже луна на небе в круге холодном, и звёзды подрагивают.

До Нового года оставалось три дня. Самые напряжённые деньки, когда у всех жителей страны была одна забота: пробежаться по ёлочным базарам, рынкам, супермаркетам, чтобы купить ёлку, игрушки, подарки, продукты к столу. Потоки машин и покупателей на площадях перед торговыми центрами смешались: одна река неслась к дверям, другая – из дверей; тележки, коробки, пакеты, в которых звенело, хлюпало, трещало, перемещались в багажники, в салоны автомобилей более состоятельных граждан, у автобусных остановок стоял народ попроще одетый: с сумками и рюкзаками за спиной. В больших залах торговых центров бродили Деда Морозы, зазывая покупателей, занудно пели, подёргиваясь и приседая, заграничные электрические Санта Клаусы у дверей модных бутиков. Огромные ели блистали мишурой и блеском гирлянд. Всё шло, как всегда из года в год. Может, только скромнее и менее тяжёлыми стали нынче мешочки с новогодними подарками для большинства детей. А в самом городе о Новом годе напоминали не больше десятка ёлочек, установленных у дверей офисов богатых компаний и у городской Администрации. Ни тебе гирлянд между столбами вдоль городских дорог, ни растяжек «С Новым годом!» – это стало роскошью для местного бюджета и ушло в прошлое. Только мороз и снег не изменились: один – всё такой же крепкий, а другой – в большом количестве.

От города до дачного товарищества в летние месяцы ходили автобусы и маршрутные такси. В зимнее время туда добирались на своих машинах в основном те, кто жил там постоянно в своих загородных домах. У большинства же дачников-огородников если и были домики, то неказистые, бестолковые, больше напоминающие казённые сторожки-полуземлянки, чем жильё счастливого человека, в них только летний дождь переждать, да от зноя спрятаться можно было.

Сугроб, где расположился на ночь Детка Мороза, был как раз у такого полувагончика-полусарайчика. Если бы кто видел этих хозяев, то не смог бы удержаться и задал вопрос: «А зачем вам, милые люди, этот шалашик и грядки с картофелем и помидорами? Вы ведь тратите столько сил и средств для того, чтобы добраться сюда, садите, копаетесь в земле, убираете сорняки, а осенью вывозите и пытаетесь сберечь и съесть эту скудную прибавку к вашему столу». Вот ведь хозяйка напротив, всё лето гнулась над грядками с картофелем, осенью собрала урожай, наняла машину, вывезла пять мешков картофеля, спустила их в погреб гаража. Дочка её, фармацевт, когда взносы за сад оплачивала, жаловалась: пять мешков картофеля обошлись им, вместе с перевозкой и лечением маменьки, которая насадилась, в пять раз дороже, чем если бы они покупали этот продукт в магазине. Ох уж эта традиция делать всё, как у людей. А всегда ли это правильно копировать бездумно? Вот в такие-то домики зимой никто не ездил, и Новый год хозяева справляли в городских квартирах. Поэтому аллеи были занесены снегом, по ним никто не ходил. Видны были только следы от лыж, да и то давнишние, еле заметные.

Детке Мороза никто не мешал отдохнуть ночью, и поутру он вывалился из сугроба на свет в чудесном расположении духа, молодой, здоровый и крепкий. Это сразу же почувствовали присевшие на забор две сороки. От крепкого морозца они поперхнулись, закашлялись и целую минуту молчали, чего раньше с ними не случалось. Разволновавшись, они замахали крыльями и быстренько улетели. И уж когда долетели до рощицы, застрекотали, перекрикивая одна другую. «Куда же вы!» – крикнул он им в след, и струя холодного воздуха понеслась за сороками, постепенно растворяясь в утреннем воздухе.

Солнца не было. Небо было низкое и серое. Вскоре пошёл снег. Конец декабря. Куда деться одинокому, полному сил и жажды приключений? Где то место, где его ждут и надеются с ним встретиться? Оно есть, непременно. «Я отправляюсь на его поиски! Ждите меня, я скоро буду!» И зимний мальчик заскользил по снежной аллее, а передвигался он быстро, как на коньках по ровному льду, выписывая пируэты у сугробов, взлетая на их вершины и срываясь оттуда вихрем, осыпая деревья, домики снежной блестящей пылью. «Ух, как прекрасна жизнь! Какой замечательный я и всё вокруг!»

Детка Мороза искренне радовался жизни и всему, что его окружает, потому что он не был книжным героем, из сказки; сказочным немного – да, но настоящим, таким же реальным, как зима, снег, лёд, зимнее небо и солнце, уснувшие до весны деревья и кустарники, реки и ручьи, озёра, покрытые льдом. Его можно было потрогать и убедиться, что он-то не выдуман. И если кто-то может его не видеть, то не почувствовать его присутствия не может. Он хоть и детка, но Мороз!

Впереди была целая зима, чтобы повеселиться, и Детка был настроен провести время весело и интересно прежде, чем спрячется за высокие горы там, на Севере, куда он вернётся, как только пригреет солнце и потекут ручьи. Вернётся без грусти, чтобы отдохнуть и набраться сил. Но это будет потом, а сегодня...

Глава II

Сторожка. Линда и Гера сидели у кирпичного дома, где жил сторож, там же заседало правление дачного товарищества. Обе псины от скуки грызли кости, оставшиеся после обеда. В тепло их пускали редко, только по особому случаю. Их будки были утеплены, входы закрыты брезентовыми пологам. Собаки были заняты приятным делом до тех пор, пока не почувствовали приближение нового знакомого, и особой радости от предстоящей встречи не выражали. Они тревожно смотрели на приближающееся облачко мороза, глухо рычали, поднимались, топтали снег, крутились нервно, а потом как по команде, схватив зубами кости, полезли каждая в свою конуру, и носы на улицу не показывали: «Нет нас».

«Опоздал!» – сокрушался Детка Мороза. «И как они меня могли заметить? Выходите, поиграем! Ну же, где вы? Я вас вижу!» – прыгал он по собачьим будкам, но зайти туда не мог, не пускал полог. Тогда Детка стал просовывать ручки под неплотно прилегающую к доскам брезентовую ткань и дёргать собак за что придётся: за кончик хвостика, носик, лапку. Те сердито ворчали и крутились, стараясь подальше отодвинуться от входа – морозно! Наконец ему это наскучило. Посидев немного на крыше собачьей конуры, он пошёл к дому. «Так-так, что у нас здесь?»

Вход в дом начинался с веранды, которая не отапливалась зимой, и дверь прикрывалась неплотно. Заходить на веранду он не стал, а, пошалив, кинул туда ледышек, развесил сосулек по верёвкам и набросал снега к двери. Получилось смешно. Станут хозяева дверь открывать, а дверь снегом завалена. Вот и повеселятся. Потом зимний шалунишка долго заглядывал в окна. Интересно. В одном из них он увидел существо большое, высокое, которое ходило также, как он, на двух ногах, только шубок у него было несколько. Детка Мороза сообразил, что это и есть человек. Человек ходил из комнаты в комнату, а потом сел в кресло перед каким-то ящиком...

Сторож налил себе чайку в большую старую керамическую кружку с надписью «Boss», достал из комода сушки и пошёл к телевизору. Перед старым по сегодняшним меркам телевизором с кинескопом стояло большое старое кресло, подаренное ему кем-то из дачников. В комнате было тепло и спокойно. Телевизор из-за плохой антенны принимал только три канала, но вполне приличного качества. По одному каналу показывали старую американскую комедию о новогодних приключениях Санта Клауса. Тот в окружении странных гномов, эльфов и другой нечисти готовил детям подарки, которые должен был отвезти на бутафорских санях с запряжёнными в них северными оленями. «М-да, опять эту глупость показывают. Странная сказка, где святой Николай, заключив контракт с нечистой лесной, едет поздравлять детей. На русский перевести, так это, что ли, Николай Угодник с кикиморами болотными, лешаками, оборотнями, шишаками, вурдалаками, анчутками должен был договор подписывать? Переключу. Надоели», – проворчал сторож.

«Хм, Санта Клаус получил целый мешок подарков и сани и ездит на них, управляя оленями. Здорово!» – рассуждал Детка Мороза, присев в сугроб у окна. – Надо бы его найти и повыведывать: как, что, где, у кого сани просить. Этот в доме, наверное, что-нибудь знает. Начну с него». Задача была простая и непростая. Он мог постучать в дверь, но не мог зайти в сам дом, разве что только на веранду. На веранду мог, потому что она не отапливалась. И там Детка Мороза мог расспросить сторожа о новогоднем волшебнике, хотя в том, что тот – волшебник, до конца он уверен не был, ведь Зимой никакой старик управлять не может. Зима приходит сама. И когда она приходит, появляются вьюги, снежинки, сотни тысяч снежинок, семейство Морозов. Потом приходит весна: больше пригревает солнышко, идёт тёплый дождик, и земля покрывается травушкой, цветами, деревья – листьями. За ней... Никто ничем не управляет.

«Пойду спрашивать», – Детка Мороза решительно вошёл на веранду и стал скрести, постукивать-потрескивать в дверь. Но это получалось так тихо, что никто не выходил. Он бил дверь стужей, кидал снегом и даже сосульками. Всё без толку. Тогда он выскочил на улицу и принялся будить собак. Не прошло и десяти минут, как бедные псины взвыли от страха и холода, выскочили из своих будок и помчались на веранду, где принялись лаять, выть, скулить на разные голоса. Они грызли дверь, царапали её когтями. В конце-концов так разошлись, что веранда тряслась от шума и грохота и грозила развалиться, если никто не остановит этих взбесившихся собак.

«Да что с вами случилось? Волки на вас напали? Ну я вам сейчас задам, только оденусь...» – раздался голос сторожа за дверью. Собак эта угроза не испугала, а только подбодрила. Они стали ещё сильнее прыгать на дверь и выть такими голосами, что мертвого бы подняли. Дверь наконец распахнулась, и на веранду вышел сторож, быстро прикрыв за собой дверь. Не потому, что собаки могли забежать в дом, они бы этого никогда не посмели. Чтоб тепло не выходило из дому и мороз не заходил.

«Линда! Гера! Что случилось? Что вы так расшумелись? Чужие рядом? Ой... Кто это?» Прямо перед собой он увидел небольшого росточка человечка. У него была дивная шубка, переливающаяся на разные цвета, лицо его было белым, ручки – без рукавиц и ножки без валенок – босые. На головшке торчали волосики, покрытые инеем, бровки и реснички тоже были беленькими от морозца, тёмненькие глазки, меняющие цвет, и губки цвета озёрного льда. Собаки не стали дожидаться, чем закончится эта встреча, выскочили на улицу и спрятались в своих будках. Сторож стоял, прислонившись к двери, и смотрел молча на Детку Мороза. Детка Мороза не торопился задавать вопросы. Ему нравилось завораживать-замораживать внимание. Наконец он улыбнулся и миролюбиво спросил:

– Я тебя не сильно испугал?

– Ты кто, парнишка? Откуда ты взялся? Ты же замёрз совсем, пойдём, я тебя отопрею...

Детка Мороза немного потоптался на месте и случайно наступил на сосульку, которую сам сюда бросил. Хрусть-хрусть. Маленькие ножки раздавили её в порошок.

– Ты кто? – переспросил опять его сторож.

Ребёночек, несмотря на мороз, не выглядел замёрзшим, страдающим. Наоборот, рот у него был до ушей, вид самый что ни на есть шаловливый, а глазки его всё время меняли цвет: то они – ночное небо, то завьюжило вдруг их, то небо голубое, то цвета льда лесного озера. Всего не углядишь, не определишь.

– Я – Детка Мороза.

– Чья ты детка?

– Мороза.

– Ну да, фильмов насмотрелся, закалённый, здоровье девать некуда. Ну-ну... Крепкий ты парнишка, ничего не скажешь. Только родители твои, мальчик, где? Ты с какого участка?

Детка Мороза знал, что иногда нужно сразу показать, кто ты на самом деле. Глядя на сторожа, Детка Мороза раздул щёчки и подул на него, легко так подул. Облачко холода окутало сторожа с ног до головы. На шапке, одежде, плохо выбритом лице осел толстый слой морозного инея. «Ух, как задуло-то, – только и произнёс он осипшим голосом. – Значит так, или идёшь со мной, или оставайся здесь и мёрзни». Он развернулся, чтобы открыть дверь, а подошвы валенок его вмёрзли в пол. «Что такое? Что такое? Валенки примёрзли. Вот беда-то! Мокрые были, надо было просушить». Стал он валенки по-одному руками тянуть, чтобы от пола оторвать. Скрипит войлок на морозе, крепко за пол держится. «Давай, давай, ещё немного, ещё чуть-чуть...» – тянет сторож ногу с валенком, вот-вот оторвёт. Развеселился Детка Мороза, стукнул шутя ноготочком своим по валенку, тот тут же стал, как изо льда вылит. Его теперь до самой весны не оторвать, пока сам не оттаёт. Смешно! И малыш не на шутку разыгрался: пол

веранды льдом покрыл, по углам сугробов набросал, а с потолка, словно сталактиты в пещере, стали свисать гигантские сосульки.

– Да кто ж ты, бисово дитя? Анчутка?

– Я – Детка Мороза. Рассердился? Я только спросить тебя хотел о Санте Клаусе. Кто он? И где его найти?

– Спросить. Ну и спросил бы. Без этих шуточек нельзя было обойтись? То-то я думаю, собаки с ума посходили. Ты, что ли, их в будки загнал? Твоя работа? – Сторож всерьёз рассердился и стал напирать на гостя незваного. – Кто ж так делает-то, гость незванный? Так не поступают. Я теперь, вон, без валенок остался. Веранда на что походить стала? Это ж ледяная пещера, а не веранда.

– Я не мог достучаться. И скучно. Ты расскажешь мне про...

– Нечего мне рассказывать. «Детка Мороза» он. Ещё один персонаж. Пакостник ты. За дурака меня держит. Иди отсюда, пока уши не надрал. Ходят тут разные. Иди, говорю, сейчас собак спущу. Вот Злыдня, ходит тут, пакостит. Расскажи ему всё.

Сторож вытащил с трудом ноги из валенок и босым протиснулся в щель двери, которая не полностью открывалась из-за примёрзших к полу валенок. Закрыв дверь на щеколду, он разделся и пошёл греть чайник. Во-первых, потому что замёрз, а во-вторых, ему нужно было успокоиться: «Детка Мороза. Выдумает же. Припёрся. Расскажи ему. Я тебе расскажу. Накидай мне ещё снега. Вот паршивец такой. С деревни, наверное, пацан. Точно. Деревенский. Только бы напакостить. То сопрут, то подожгут. И ведь к родителям не потащишь. Там такие родители, что их самих небось в кутузку тащить надо. Какие родители, такие и дети».

Он наконец-то вскипятил чай, налил полную кружку и уселся в кресло напротив телевизора. По центральным каналам плясали-пели натянуто весёлые артисты. Говорили плоские шутки, глупо смеялись. «Каждый год одни и те же лица, песни, от которых рвать тянет. Смотреть нечего», – сторож выключил телевизор и стал пить чай в полной тишине, которую нарушали только его «И-и-и» – это он, вытянув губы, втягивал с воздухом чай, и «А-а-а» – это когда он, приоткрыв рот, с кряхтением выпускал воздух. По телу его растекалось тепло, стало клонить ко сну, он успокаивался. Задремал.

На веранде между гигантских сосуллек стояло разруганное обиженное дитя Мороза и тяжело соображало, что произошло и как быть дальше. Детка Мороза даже забыл, что хотел от этого человека. Помнил, что было какое-то дело к нему. Должно было быть забавно. В отличие от Большого Мороза, маленькие были бестолковы и беспечны. Обязанностей у них никаких не было, жили моментальными событиями и делами. Дела, конечно, всё зимние, морозные, но не как у Большого – «крепкие, сильные, жестокие, лютые; мороз и железо рвёт и на лету птицу бьёт», а те, которым в народе издавна придавали более мягкие, ласкательные имена: «морозец; пришёл с морозца; молодой мороз не смел: не морозил и не грел; детушка-морозец». И потому они дела свои околморозные до конца не доводили: так, играючи нос прихватят у бредущего от магазина старичка или щёчки разругают у малыша, что на санках с горки катается. Или вот выскочит у кого что из носа, раз – и сосулька. Смешно! «Что же я хотел-то? Не помню. Не помню. Отмерзает память моя, отмерзает», – Детка Мороза вышел на крыльцо и стоял, задумчиво глядя в даль аллеи. Она была пуста и неинтересна.

Внезапно появившийся ветерок прошёлся по макушкам сосенок, росшим вдоль аллеи, а потом вниз – к сугробам, собрав с них снежную пыль, закрутил, завертел её, поднял столбом и понёс по направлению к сторожке. Не прошло и десяти секунд, как он обошёл собачьи будки и упал к крыльцу маленькой горкой снега. «Здо-оров будешь, милоч! Хи-хи-хи!» – из сугробика, который принёс снежный вихрь, выглянула презабавная мордочка: носик – длинная сосулька, глазки – сиреневые льдинки и ротик – озёрный ледок. А сама как снежинка. Точнее, много снежинок, потому и бесформенна: то – сугробик, то – столбик снежного вихря, то – выюга, что по земле стелется. А уж когда дети начинают фигуры снежные лепить, тут она

в неопиcуемый восторг приходила: снеговые бабы, снеговики, зверюшки разные, даже в крепости и снежки помещаться умудрялась. В старину не даром во дворах лепили снежные фигуры, поверье такое было, будто они двор от напастей берегли и Зиму задабривали: чтоб снегу – побольше и мороз – помягче.

– Ледянушка прилетела! Из лесу или с болот лесных?

– Так я тебе всё и рассказала!.. Ладно уж, слушай... Собрались мы, внучки бабульки моей, на большом поле. Прилетели родственники с Северов, ты их должен знать...

– Нет-нет-нет, остановись, пожалуйста. Начнёшь, до весны запорошишь, не остановишься, знаю я тебя. Я с тобой и Новый год пропущу, и Старый, и всё-всё, пока весна не выгонит.

– Нет, я немножко, тебе будет интересно.

– Заговоришь-задуешь... Я тебя знаю. Я с прошлого раза забыть не могу, неделю слушал, а ты всё мела, мела, мела...

– Так это я уж не одна, тётушка прилетела, подсказывала.

– Вот-вот, и тётушки твоей не хватает только. Я и так вспомнить не могу, для чего я к старику в сторожку рвался, чего хотел? А тут ещё ты.

– Эх, молодёжь-морозцы, люблю на вас смотреть. Крепенькие, молоденькие, хрустященькие... А что делаешь-то здесь? Полетели, может, по дворам пройдемся, пошалим, как прежде. Новый год, ряженных в сугробе поваляем. Ты их поморозишь.

– Каких ряженных?

– Ну этих, которые в красных шубах бродят с мешками и посохами. Бороды у них такие белые. «Я – Дед Мороз с внучкой Снегурочкой». А какая она снегурочка? Я проверяла сколько раз, тёпленькая она. Я ей снега набросаю или сосульку за шиворот положу, кричит. Тоже мне снегурочка. И сосулька тает. Жаль.

– Снегурочку?

– Нет, конечно. Сосульку жаль. Растаяла. Или другие...

– Какие другие?

– Ну не могу вспомнить...

– Вспомни.

– Вспомни, вспомни...

Закружила, кружила на месте Ледянушка: то по земле метелицей метёт, стелется, то вверх столбом снежным взвивается. Не вспоминается, хоть ты тресни. Вот вьюгой вокруг дома кружит, кружит, дома не видно, так запуржило, замело, в окна бьётся, с козырька крыши срывается... Стоп. Внезапно затихла. В окно заглядывает, увидела что-то. В то время сторож проснулся и опять фильм по телевизору со скуки смотрит, где Санта Клаус в сани садится.

– Да вот же он! Этот, в сани садится. Санта Клаус.

– Вспомнил! Я о нём и хотел у сторожа узнать. А он обиделся и не стал со мной разговаривать.

– Это почему же?

Детка Мороза рассказал ей, что только хотел узнать об этом человеке: где он живёт, как к нему пройти. Но сторож обиделся и захлопнул дверь.

– Обиделся?

– Пыхтел, ворчал.

– На друга матушки Зимы обиделся и ворчал на него? – удивилась Ледянушка.

В старину люди знали, что обижать просто так никого нельзя, и особенно духов: лесных, зимних, летних, морских... Они безобидны, если их понимаешь и принимаешь, как природу, что нас окружает, как весь Божий мир.

Стоит Ледянушка перед сторожкой, стоит, с силами собирается. За своего друга поквитаться желает. Страшна она в эти моменты, даже Детка Мороза подальше от неё отошёл.

А пока – тишина, лёгкий снег только пошёл, снежинка к снежинке, потом – чаще, чаще, и наконец повалил так, что в пяти шагах ничего не видно. «Ш-ш-ш», ветерок снегом по снегу трёт: взад-вперёд, взад-вперёд. И вдруг – «Ба-бах», снежный заряд – в домик, как из пушки. Хлопнула дверь на веранде так, что все до последней сосульки с потолка слетели вниз и в лёд воткнулись со звоном. «Бух-бух-бух», – захлопала опять дверь, и стёкла на веранде повывлетали из окон. «У-у-у, у-у-у-х-ты-ы», – завывли ветра в трубе дымовой, и пламя в печи вздрогнуло, на несколько секунд погасло даже, а из-под дверки печи в комнату пополз дым плотными струями. «Красота, – восхищенно произнёс Детка Мороза. – Теперь я, теперь я...»

Над крышей дома – купол снежный выюжный, верхушки деревьев стонут, трещат от ветра и снежных зарядов. Развеселился и Детка Мороза, шубка его становилась всё ярче и ярче, и на кусочке неба над домиком вспыхнули, заплясали огни настоящего северного сияния, как будто не дачный посёлок это на краю большого города, а Крайний Север, где никто не живёт, разве только медведи белые захаживают. И – мороз, мороз. Да крепкий такой, никогда в этих местах такого не бывало. Зазвенели снежинки, твердея и становясь ледяными иглами: «Динь-динь, динь-динь». Погас в домике свет, оторванные бурей провода болтались на ветру и поливали всё вокруг снопами искр, собачьи будки утонули в снежном озере. Да и к лучшему – псынам стало теплее, и они спали, свернувшись калачиками. И сторожку снегом забросало по самую крышу, самому сторожу теперь не выбраться, только на помощь стороннюю рассчитывать придётся, а кто в предновогодние деньки на дачи сунется? Пойди, отыщи таких. Придётся ему, видно, так и встречать Новой год: без света и в полном одиночестве, если только соседи-дачники с вопросами не заглянут. Поделом. Не обижай Зимушку.

Если бы у зимних знакомцев были часы, то они бы знали, что куролесили на дачах целых два часа. Солнце, которое, итак в декабре было редкостью, давно скрылось, а луна, будто испугавшись зимней баталии, спряталась в низком из-за туч небе. Быстро стемнело, фонарей на дачах никогда не было, а из-за обрыва проводов электричества не стало во всём дачном посёлке, и в окнах домов, где жили постоянно люди, свет тоже перестал гореть. Прошло некоторое время, и где-то затарахтели электрогенераторы или появились огни от свечей и керосиновых ламп. И нельзя было сказать, что вечер за городом может быть испорчен отсутствием электричества. Огонь в камине, канделябры с горящими свечами, красивая музыка, глубокие кресла, плед... – очарование минувших веков.

Ветер стих, но на смену ослабшему Морозцу пришли привычные ночные. Детка Мороза зевнул и махнул рукой Ледянушке.

– Спаточки пойду...

Ледянушка, уставшая, но очень довольная играми, бросила было ему вслед серебряной снежной пылью, но получилось слабо: то ли силы закончились, то ли прихватило крепким морозом снежные покрывала, стали они жёсткими, не пробьёшь.

– Ну спать, так спать...

– Хрум-хрусть... ш-ш-ш, – спрятались оба в сугробах. До утра.

Декабря последних два листа и – Новый год.

Глава III

Детка Мороза проснулся рано, когда ночные Морозы ещё воеводили и стужа сковала всё вокруг: ни ветерка, деревья словно изо льда вмёрзли в воздух, как в озёрный лёд, лёгкие дымки над печными трубами нескольких дачных домиков казались нарисованными, вытянувшись неподвижными столбиками. Ни птиц, ни зверя, ни людей. Безмолвие сиреневое и тайна.

Он не стал звать и уж тем более – искать Ледянушку. Найти ту, вчерашнюю, невозможно. Как найти вчерашний снег, вчерашний мороз? Ледянушка, скрывшись в одном сугробе, как житель города в метро, переместилась уже неизвестно куда. Будет ли это лесок-болотце, или деревенька, или город большой – смотри: вон – ледок, вон – сосулька, вон – ком снежный с ёлки или крыши вниз летит, значит, рядом Ледянушка шастает-проказничает. Но ты её не ругай, посмейся, а ещё лучше, где-нибудь горку снежную построй, фигуру снежную вылепи. Получишь её расположение. Может, и пригодится тебе в трудный час, век благодарить будешь.

«Если действительно Санта Клаус существует и водится с духами лесными и нечистыми, то они про то знать должны. Хоть кто-нибудь из них мне расскажет. Добегу до леса. Спрошу». Бежать он, конечно, не стал, а нырнул, как Ледянушка, в сугроб побольше, и понесло его, понесло по просторам снежным. Где снег, там и Морозец, а снежинки, хоть их тыщи всяких по форме, всё равно – снежинки. Так что вроде Детка на прежнем месте в сугробе, куда нырнул только что, а на самом деле? Летит Морозец, знать бы ещё – куда? Выплюнет из сугроба: «Лес? Нет, не лес». И дальше, пока наконец не прибыл в такую глухомань, что сам не знает, куда попал. Спросить-то не у кого. Только деревья – высоченные сосны, кедры, ели. Ветер в вершинах в прятки играет, от дерева к дереву по макушкам скачет. Звери и птицы попрятались. Холодно.

«Лес. Никого. С кем говорить-то?» Обычно птицы или звери знают, где обитают духи лесные, и близко к ним не подходят, опасаются. Леший у сорок и белок орешки таскал, а они в него шишками кидались. Кикиморы с водяными с ондатрами и бобрами споры затевают, озёра и болота поделить не могут. Но сейчас – зима. Спят многие, а те, кто не спит, в норах прячутся, не отыщешь. Говорят, что по зиме голодные волки Анчутку, чёрта лесного, за добычу приняли и бросились за ним в погоню. Догнать – не догнали, а за пятку укусили. Анчутка с тех пор злой на волков и всякий раз им пакость подстраивал.

Однажды Детка Мороза шёл по лесу, и за ним увязались волки. Они видели его. Был вечер. И они были ужасно голодны. Волки шли за ним давно и устали. Окружив его кольцом, стали рычать, сверкать глазами. Всё шло к тому, что не пройдёт и минуты, как нападут серые на него. Но волки не догадывались, кто был перед ними; думали, что попалося слабое живое существо, и значит, его можно было съесть. «Р-р-р...» – пошёл первым вожак стаи, и остальные, подбадривая друг друга, двинулись к центру круга. Детка провалился в снег, оставив вместо себя морозное облако. Волки закружили на месте, нюхали, рыли снег, пытаясь отыскать исчезнувшую добычу. Детка Мороза появился у них сзади, и прежде, чем они его заметили, дёрнул одного волка за хвост, другого ущипнул за лапу, первого, кто бросился на него, стукнул по носу. Каждый знай своё место. Хвосты, лапы, носы у волков стали быстро белеть от мороза. Волки были голодны, но не глупы. Они рванули в лес, и в следующий раз, когда кто-нибудь из них видел небольшого человечка, от которого никак не пахло, но было холодно, как от льда, они сворачивали в лес и держались подальше от него.

Детка Мороза стоял на опушке и внимательно смотрел на чей-то след. Свежий след. А уж кто это был, неважно, главное – начать поиск. Вниз-вверх, в овраг, к реке мчался Детка Мороза, и ему нравилась эта игра. Ой, что это? Впереди замелькали звери лесные, да не один, несколько. В мгновение он догнал бежавших и увидел страшную картину охоты. Три волка гнали впереди себя кабана. Снег глубокий, устали все: и охотники, и добыча. Наконец окру-

жили. Кабан развернулся и стал атаковать волков, пытаясь зацепить своими ещё небольшими клыками. Волки уворачивались и искали удобного случая, чтобы вцепиться в него, повалить и растерзать. Подустали, кабан и волки стояли друг перед другом, позволив себе небольшую передышку. Кабан грозно с баском то ли хрюкал, то ли повизгивал, а волки молча обнажали верхние клыки. Все тяжело дышали. Пар валил из их пастей. У всех, и у охотников, и у добычи, мысль была одна: «Кто кого?»

«Может, момент и неподходящий, но кто знает, сколько они ещё тут провозятся друг с другом?» – подумал Детка Мороза и попробовал поговорить с лесными зверями. Он подошёл к волку, который стоял, навалившись на сосну. Волк был самый старый, значит, должен был знать больше других. «Волчара, э-эй. Я здесь. Посмотри на меня. Только один вопрос: Как мне найти кого-нибудь из нечистых?» Волк тарачил глаза на нечто, похожее на сугроб, и тяжело дышал. «Э-эй, Серенький! Где здесь у вас лешие, кикиморы, анчутки, на худой конец, Баба-Яга? Или злыдня какая-нибудь между вами не шастает? По глазам вижу, что знаешь».

Глаза у волка были несчастные от усталости, голода и холода. Тяжело дыша и хватая зубами снег, он видел только добычу, думал о добыче и слышал только добычу. А добыча – молодой кабан, сильно уставший, испуганный, хотя ещё достаточно сильный и опасный, был уже обречён, и спасти его могло только чудо. Детка Мороза, потоптавшись перед волком и поняв наконец, что его не слышат или не хотят слышать, пошёл к кабану. За ним и двинулся первый волк, и уж потом два других. Подойдя к лесной свиношкe, Детка, насколько это возможно было для зимнего духа, стал спрашивать о лесных эльфах, Бабе Яге. Кабан же видел и слышал только приближающихся врагов. Ему было не до разговоров с кем-то, похожим на сугроб с ножками. Волки набросились на лесную свинью как гости на доброе хозяйское угощение. Один из них схватил его за холку, другой попытался вцепиться в заднюю ногу. «Ви-и-и! Ви-и-и!» – завизжал тот и всеми двумястами килограммами своей туши прошёлся по Детке Морозу. Прямо как дорожный каток по асфальту: была горка, раз – и стало ровно. «Ах, хрусть-хрум, хрусть-хрусть. Ух...»

* * *

Детку Мороза размешали в снежную пыль кабан и три волка. Они помчались дальше, а он, смешавшись с лесным снегом, не собирался. Лежал себе, разбросанный меж сосен, и шуршал, как лёгкая позёмка по земле. Сверху упали старые пустые шишки, осыпали его иглами сосны. Прыг-прыг-прыг, спустилась по стволу белка и оставила следы на всём, чем он раньше был.

Начиналась пурга. Ветер обрёл форму, его потоки, набравшись снежной пыли, постоянно меняли свой облик: то они, как сотни змеек, ползут по земле, то закручиваются спиральями и несутся по лесу, толкаясь и завывая, или бросают снежные заряды, сбивая с ног всё живое. А потом всё стихло. Остатки от Детки Мороза, как горстка пепла от костра, лежали между старыми соснами, небрежно сметённые в кучку шалуном ветром. Казалось, всё кончено, навсегда... Но так только казалось. Так ведь случается, выпадет снег осенью, а потом растает. Возвращается тепло, деревья хоть и жёлтой листвой, но радуют глаз, и даже дождик не смущает и не наводит грусть. Ведь главное – ещё не зима! Пахнет дымом, кто-то сжигает листву. Небо высокое и преголубое. В такие дни особенно ласково светит солнце. А на следующий день поутру вдруг – дождь, и дождь со снегом, и за стеклом – сугробики хоронят осень. Зима. И уж зимой покончить с Морозцем невозможно.

Странная фигурка отделилась от снежного полотна: непонятно, бесформенно и грязновато. Узнать прежнего Детку было просто невозможно. Во-первых, голова у него отсутствовала вовсе, было сплошное туловище. Там, где раньше была голова, торчала старая шишка. Во-вторых, ручек и ножек тоже не было. Вместо них торчали бугорки, а вместо пальцев были

высохшие сосновые иголки. Впрочем иголки были повсюду. Дикобраз, а не Детка Мороза. Без глаз, без носика и ушей. Рот тоже отсутствовал. Чудище снежное не шевелилось, да и шевелить-то ему было нечем. Постояв некоторое время без движения, оно стало раскачиваться из стороны в сторону, как будто застряло в снегу и хочет выбраться. Влево-вправо, вперёд-назад. Раскачивалось, раскачивалось, пока не свалилось на бок, а потом покатило под горку. Катится-катится, снег прилипает, прилипает: к ножкам, к ручкам, к голове, к ножкам, к ручкам, к голове. Ух, докатилось. Полежало, будто голова закружилась от такого спуска. Встало.

Ой, что получилось! Совсем другой, не похожий на прежнего Детку Мороза большущий пребольшущий Снеговик. Вместо носа торчала шишка, глаза – большие замёрзшие лужи, ручищи с толстыми пальцами и ледяными когтями и ноги-ножищи, как ледяные колонны на месте замёрзших водопадов блестели мутными отблесками. Снеговик огляделся вокруг, осмотрел себя, вздохнул, сокрушаясь, и рассердился: «Ух, я вам задам сейчас».

Он тяжело двинулся вверх по склону к месту, где глупая лесная свинья и три тощих волка растоптали его, его, самого красивого Детку Мороза, а потом безнаказанно удалились по своим делам. Дела у них были, конечно, разные. Кабан спасал свою жизнь, а волки – свою. И они знать не знали, что творят в пылу охоты. «А вот теперь узнают... Узнают!» Покрутившись на месте, где только что был, Детка-Снеговик увидел, что следы кабана и волков вели к реке. Он ринулся в погоню. Снежная пыль висела у него сзади длинным белым облаком, осыпалась, столкнувшись со стволами сосен и елей, а Снеговик, как заправский горный лыжник, участник лесного слалома, ловко объезжал деревья и догонял компанию зверей. Вон они. Вон – на краю обрыва, где река впадает в лесное озеро. Попались!

Битва волков с несогласным стать ужином, обед уже прошёл, кабаном приближалась к завершению. Волки сильно ранили кабана, снег вокруг него был истоптан и забрызган каплями крови. Он тяжело дышал и понимал, что минуты его жизни уже сочтены. Ещё одна атака волков, и он упадёт в снег, а сил встать уже не будет. Волки повизгивали, будто поторапливали, подначивали друг дружку.

– Давай, Серый, твоя очередь!

– Я уже напал, пусть Подраное ухо нападает, он всегда только сзади, а как брюхо набивать, так первый!

– Ничего подобного, я его за ногу схватил. Если бы не я, он бы вообще от нас убежал.

Они ходили кругами вокруг кабана, ещё немного, и праздник желудка: «Ах, как кушать хочется».

«Бу-у-х!», слетел на них лавиной Снеговик. Увлёкшись скоростным спуском, он не рассчитал, где остановиться, и врезался в них. Три волка неожиданно для себя впечатались в кабанию тушу, и далее уже все четверо полетели вниз с высокого берега на застывшее во льду лесное озеро. Снеговик не услышал, как они упали, потому что, задержавшись на секунды на краю обрыва, он тоже полетел вниз, увлекая за собой снежные массы, скопившиеся наверху. «У-у-у-х», с шумом спустилась маленькая снежная лавина, которая накрыла и волков, и свинью толстым слоем снега. А потом наступила тишина.

Первым из-под снега выбрался кабан, он хрюкал, визжал то ли от радости, то ли от боли, а выбравшись, потрусил по берегу озера в сторону камышовых зарослей, там поднялся к лесу и быстро скрылся из виду. Волки тоже выползли по-одному. Вид у них был озадаченный. Одному досталось особенно, он хромал и повизгивал, поджимая заднюю лапу. Тем не менее, отряхнувшись, они понюхали след кабана и побежали в погоню.

Уже стемнело, луна постояла верхушкой у высокой сосны и поплыла над озером, освещая его волшебным светом. Под обрывом, где были разбросаны остатки Детки-Снеговика, лежала тёмно-синяя тень. До утра. Чем закончилась охота волков на кабана, осталось неизвестным. Ясно было одно, не свались Детка-Снеговик волкам на голову, они бы пировали свиной

несколько дней. Но не повезло им. И если кабан, покопавшись в толще снега, может отрыть что-нибудь съедобное, то волки, волки кореньями не питаются, а отыскать в зимнем лесу добычу очень трудно. Вот и Детка-Снеговик потерял целый день, никого не нашёл, а до Нового года осталось всего ничего – два дня. А ведь опять собраться надо во что-то.

Глава IV

В разных лесах живут разные духи лесные, лесная нечисть. Жизнь у них всё скучная и спокойная. Лешие, те всё промыслами занимаются: ягоды, грибы собирают. Попроказничать любят, особенно над теми, кто в лес по грибы-ягоды ходит. Аукают, голосам подражают. К болоту в трясину заведут и смеются потом. Кто-то из знающих людей говаривал, что лешие над всеми волками стоят. Командовать – не командуют, а благотворят им, жалеют.

«И чем тебе, лихо зимнее, сугроб ты прошлогодний, сосулька майская, мои парнишки волчатки помешали? Что тебя принесло к нам? Итак брательники твои покоя-жизня лесному миру не дают, всех переморозили. Подружки-кикиморы так вмёрзли в лёд, что вздохнуть не могут. Водяного в самой глубокой яме в озере достал. Ему хвост льдом прихватило, теперь до весны так и будет в потёмках глубоководных лежать... Так тебе и надо, шлёпнулся с горы нашей, пролежишь теперь до самой весны, никто тебе не поможет, – на том месте, куда обрушилась снежная лавина, ходил маленький человечек в мохнатой шапке и овчинном тулупчике. Он сердито тыкал снег посохом, продолжая приговаривать. – Вот тебе, вот. Волчатки мои голодными остались. Погоди, я тебя ещё накажу, по-своему, по-лешему...» – он бормотал и бормотал, будто колдовал, накладывая на Детку-Снеговика самые страшные наказания. И луна наконец осветила это место, лицо лесовичка от её света было сине-зелёным и испугало бы любого, окажись он сейчас на озере под огромной луной и перед властителем леса – Лешим! Страшно, бр-р-р.

«Хрусть-хрусть... хрум-хрум... фр-р-р...» – стали раздаваться непонятные звуки, необычно странные, непривычные для столь позднего часа, леса, лесного озера. Впрочем, чего только не происходит в лесах по ночам. Пролетела сова над этим местом. Покружила и села на ветку ближайшей сосны. Ей было тоже интересно: «Что будет дальше?» Между тем стал крепчать мороз, вокруг луны образовалось белое кольцо.

«К несчастью. Ой, что-то случится!» – запричитал Леший и, ещё раз ткнув посохом в снег, засобирался уходить, но не смог сдвинуться с места: одна нога его почему-то оказалась вмёрзшей в лёд. Он кряхтел, топтался на месте, силясь её вытащить, ну прямо как зверь, в капкан попавший, но у него не получалось: крепко держал лёд ногу. Леший аж взвыл от досады поволчьи: «У-у-у... а-а-а!», и откуда-то из разных сторон леса ему тут же ответили: «У-у-у-у!»

Пошёл снег. Вначале спокойный и ровный, а потом будто лопнуло небо по шву, как перина, и посыпало, не переставая, снегом, будто пухом. Небо затянуло низкими тучами. Ветер поднялся. Пурга дня на два, а может, и неделю качаться будет. Лесовичок по-настоящему испугался: «Замерзну... чёрт меня дёрнул сюда прийти. А ведь точно, Анчутка подсказал. Вот я – глупый, вот я – пустая голова. Нашёл, кого слушать, Анчутку рогатого. Это он мне мстит за то, что ребятки-волчатки мои ему по ошибке пятку откусили». Метёт пурга, снег ещё гуще пошёл. На озере – никого, и над озером – ничего: ни луны, ни звездочки. Колдовать против зимы Леший не умел, а так, оборачивайся ты хоть в кого, всё без толку: нога-то во льду так и останется. И у нечисти лесной горе случается.

То ли мороз крепчать стал, то ли снега много навалило, только почувствовал перепуганный Леший, будто лёд на озере потрескивать стал, да не где-нибудь, а рядышком, и всё ближе, ближе к нему треск тот слышится. «Вот только с водяным встретиться не хватало», – подумал только он, как рядом пробежала широкая трещина, и свободной ногой он почувствовал пустоту внизу. Но на этом не успокоилось, озеро будто качнулось, наклонилось, как тарелка, и вода из трещины булькнула: «Бульк-бульк». Стал лёд раскачиваться, словно качели: вверх-вниз, вверх-вниз. А вода из щели – «Бульк-бульк», выплёскивается: насос, а не лёд. Стало старичка лесного водой заливать. Не поймёт он, что происходит, испугался, аж цвет поменял: был зеленоватый, стал белым совсем, и трясётся, как заяц под кустом. Вода затекала под сугроб.

Комки снега от прежних Детки-Снеговика стали ледышками, потом – «Бульк», и на них опять вода и снег, вода и снег... Стал расти ком снежно-ледяной.

Часа через три за спиной у испуганного до болотных колик Лешего поднялась горка величиной в метра полтора изо льда и снега. Треск стоял такой, что с лап ближайших елей снежные шапки вниз рушились одна за другой. Леший уж догадался, что происходит: «Появится сейчас новый Детка Мороза и припомнит мне всё: и ворчание, и стучание посохом. Запечатает в тюрьму свою ледяную до самого лета. И не встретит тебе, старичок-лесовичок, Новый год в кругу друзей... Это – в лучшем случае. Про худший я даже думать боюсь». Как в воду глядел – сбылось предчувствие страшное.

«Уф, собрался наконец. На кого похож я нынче, не пойму?» – раздался голос откуда-то высоко с неба, да такой, будто льды Антарктиды его сотворили: в нём треск льдов, гул ветров, глубина ледяных пропастей и лютый холод. Страшнее не бывает. Леший медленно обернулся назад и обмер: перед ним стоял ледяной монстр высотой метра три. «Антарктик!» – пролепетал он, ничего более ужасного ему не встречалось в жизни. Только слышал, что бывают такие, живут в Антарктиде и рождаются, когда гигантские айсберги от материка откальваются. Вот уж у кого сила и мощь. Им – не перечь, враз раздавят. И самое страшное, три метра сверху, а сколько там внизу: пять, шесть метров, не ведомо, как у айсберга, у которого видимая часть гораздо меньше той, что прячется в воде. «Как же он двигаться-то будет? По озеру только что, там, где поглубже будет, или на мель сядет?» – промелькнуло пустое любопытство у Лешего. Но он удивился, когда увидел, что Антарктик сошёл легко с места, где ещё было мокро, и встал на сухую возвышенность на берегу.

«Леший меня возьми, это кто там в лёд вмёрз? Кого я сегодня поймал, что за недотёпу?» – послышался глас сверху, чуть пониже облаков. Лешему стало совсем плохо, и он сел в лужу, вмёрзнув уже двумя ногами и другим местом. «До весны света белого не увижу», – обречённо подумал старичок-лесовичок и всплакнул. Антарктик оглядывал себя, трогал своё тело могучими руками, а под ногами его крошились выскользшие на берег льдины, да с такой лёгкостью, будто это были тонкие кусочки стекла от разбившейся лампочки.

– Гляжу-гляжу, а разобрать не могу. Что там за мелкота внизу копошится. Мышь, что ли? Эй, ты кто, мышонок?

– Пи-пи-пи...

– «Пи-пи-пи»? Ты что, точно мышонок? Не разгляжу.

– Пи-пи-пи... – только и смог произнести лесной бродяжка и уж потом согласился. – Да, мышонок я.

Леший и без того был маленького роста, а присев с испуга, стал ещё меньше. Он готов был сказать кем угодно, только бы его не трогали, пусть даже до весны. Пусть весной унесёт на льдине, пусть над ним посмеётся водяной с русалками, только бы сейчас его не узнал Антарктик-Снеговик-Детка. Тогда ему весны уж точно не увидеть.

– Ладно, мышь, пошёл я. Ты Лешего не видал? – спросил его Антарктик.

Леший потерял дар речи и стал мычать, как можно ниже наклонив голову. Мышь, просто мычащая мышь. «Бух-бух-бух!» – затрещал лёд под тяжёлой поступью ледяного человека.

– Мышонок, а шапочка как у лесовичка. Дед-лесовик, не притворяйся! Или думаешь, я тебя сразу не узнал? Шутить со мной вздумал!!! – прогремело над головой у Лешего, лёд трещал, деревья дрожали, и казалось, что даже тучи на небе, испугавшись голоса ледяного чудовища, разлетелись кто куда, бросив прятавшихся за ними звёзд и луну. – Я вот что у тебя спросить хотел, не появлялся ли в лесу такой странный человек в красной шубе? Он мог договориваться с вами, нечистью лесной, о подарках для детей, о Новом годе. Санта Клаус его зовут, не встречал ли? – внезапно сменив гнев на милость, тем же могучим басом, но ласково и дружелюбно спросил Антарктик.

Леший опешил. Он продолжал молчать, даже дышал через раз. Ужасно испугался. Антарктик засопел, топнул ногами. Конец льдины, к которой примёрз Леший, резко поднялся, подбросив его вверх. Подлетев метров на десять, он, болтая в воздухе ногами, кувыркаясь, полетел вниз, но на лёд не упал, его подхватил Антарктик и мягко поставил на снег.

– Я ищу кого-нибудь из вашей братии, кто мог встречаться с Санта Клаусом...

– Ничего не знаю, никого не видел, меня все обижают... Отпустите меня, дяденька, сиротку лесную. Как вы здесь оказались, гражданин, разрешение у вас есть на вход в государственный лесной заказник, где обитают уникальные, занесённые в Красную книгу растения, животные, птицы и другие существа? Немедленно покиньте зону, а может быть вы браконьер? – затараторил, не останавливаясь, Леший, со страху вообразивший себя егерем, как бы незаметно отходя к лесу, присматривая, куда бы ему юркнуть от этого великана.

– Леший, расскажи мне, что знаешь, я тебя тут же отпущу.

– Ну да, нашёл дурака. В прошлый раз ты меня отпустил?

– Отпустил.

– Но куда? На Север! Я – Леший, и вся семья моя в леших числилась. Мы в лесах жили, а ты меня в тундру «отпустил». Я там чуть не замёрз. За мной белый медведь гонялся, я еле ноги унёс. Полгода домой автостопом добирался.

– Чем? Каким автостопом?

– А таким, где в оленей упряжке, где с гусями, что на юг летели. Однажды перепутал стаю, и они меня опять на Север увезли. Никакой цивилизации, света белого не видел, всё темно и темно. Звёзды, полярное сияние и луна – вот и весь свет...

– А ты там не видел оленьей упряжки с кем-нибудь в красной шубе, с подарками?

– Говорю же, я света солнечного не видел. Самолёты пролетали, гуси весной. Они меня потом и забрали. Я в лесу родном год не был. Смотрю – волки за кабаном гонятся, потом ты, потом ты вдребезги разбился... Я пошёл посмотреть, вдруг помощь нужна, а ты меня – опять... В лёд заморозил, а я до сих пор простуженный с Севера хожу. Не знаю я никого, никого не видел...

– Может, опять на Север слетаем?

– Нет, не полечу, не хочу, я боюсь. Я там с белыми медведями поссорился, они за мной по льдам гонялись... Лучше здесь утонуть. Последний леший, и того со свету сживают.

– А кто может?

– Кикимора. Кик- кик... мора, – от волнения он стал заикаться и трястись. – Или вот Злыдня, ему только во льдах и место. Два дня на мне катался, я и знать не знал. Из рук всё валится, то в сугроб провалюсь, то туристы меня снежным человеком обозвали и весь день за мной гонялись, еле ноги унёс. Два дня невезения. Он потом слез с меня и смеётся. Злыдень. Давай его пошлём. Он этому твоему в красной шубе жизнь весёлую устроит. Он сам вместо оленей сани возить будет.

Злыдня, он же Лихо, появляется обычно в чьей-нибудь жизни незвано-негадано, точнее сказать, он всегда где-нибудь рядом, а уж когда поминают его, тут же непременно является. Злыдня издали похож на домового, но обычно он старается быть незаметным. Вроде нет рядом никого, а дело не спорится, всё из рук валится. Так что если вдруг стакан из рук на пол падает, зола из зольника по всему полу от «ветра» разлетается, молоток по пальцу бьёт – ищи Злыдню рядом. Его рук дело. Тогда никаких дел не делай, присядь, отдохни, сделай вид, что дремлешь. Злыдня – дух вредный, и требуется ему постоянное участие в чём-нибудь, постоянно что-нибудь такое творить нужно. Вот когда он Детке-Снегову помогал усердно, потом волкам и Лешему, когда его приморозили, все думали, что случай. Нет. Злыдня. Вон он мельтешит в сторонке от Арктика и Лешего, соображает, что бы ещё такого сделать. А как его помянули, насторожился.

«На Север? Нет, на Север не хочу, – подумал он. – Там своих хватает, они сердитые и сильные. От них не спрятаться в тундре или во льдах. Там на сто километров всё видать. Находят камни, похожие на маленьких людей. Думают, что это туземцы божков себе делали. Не тут то было, это местные духи чужих в камень обращали. Не поеду я туда, пусть меня здесь заморозят, в родных местах». Соврал он, конечно, нет у Лиха родины, и ещё предки говорили, что есть на белом свете места такие, где и бедам тошно становится. Одним из таких мест и был Северный полюс.

– Мужики, я на Север ваш не хочу. Что я там забыл? У меня там – ни друзей, ни знакомых. Что я там делать буду? Там же нет никого! Лёд один. Не-ет, мне эти самые экспедиции не по нутру. Ну какая ж то беда, если кто-то сам туда. Согласен, дайте мне своего, ну этого, в красной шубе, я ему устрою счастливую жизнь. Но только здесь. А что? Или мы – втроём, мы такими делами ворочать станем. Я давно предлагал, только никто не хочет. Вот и этот, мухомор, гриб старый, всё отнекивается. А я дело говорю! – кричал он издали.

– Как же, с тобой свяжешься. От тебя – одни несчастья. Злыдня, одним словом. Нет. С ним точно дела иметь нельзя. Вот только подумали, а он уже здесь. Не удивлюсь, если что-нибудь у кого-нибудь из нас плохое случится. У-у-у, Злыдня! – сказал Леший, замахнувшись на Злыдня. Пролетавшая над ними ночная птица сделала неприятность, которая угодила и на Лешего, и на Антарктика.

– Ну я что говорил, – возмутился Леший.

– Не получится из него помощника, – согласился Антарктик, и не успел Злыдня что-то сказать, как его превратили в ледяную глыбу. До весны без несчастий.

– Ну теперь в лесу ты никого не найдёшь. Слухи у нас быстро распространяются. Это только кажется, что вокруг – никого. Идёшь по лесу, а за тобой десятки глаз и ушей наблюдают. Теперь к тебе близко никто не подойдёт, – сказал Антарктику Леший и, не дожидаясь ответа, быстро побежал по снегу к лесу. Отбежав на более-менее безопасное расстояние, он прокричал ему: «Не было здесь никогда никаких сантов. Какие-то подарки для каких-то детей? Придумают же, чтобы нечисть лесная да детям подарки дарила!» А потом скрылся в густом ельнике. Повезло. А как не повезти – беды-то заморожены стоят.

Рассветало. Солнца не было. Небо меняло тёмные цвета на яркие, от тёмно-синего к фиолетовому, пурпурному, зелёному и к самому низу – полоски желтовато-красного. Любит Зима, чтобы на земле побольше белого, а наверху – ярких красок очарование. Не всё весне хвалиться. Антарктик постоял, постоял в одиночестве, а потом вдруг рассыпаться начал. А как же иначе? Где найти такой огромный сугроб, чтобы поместился трёхметровый гигант? Треск стоял над озером, стволы вековых сосен и елей так качнуло, что со всех веток снежные шапки вниз полетели и накрыли с головой убежавшего Лешего: «Уф, это к добру, убрался Детка Мороза. Потеплеет теперь в лесу». Пошёл снег. Может, и правда потеплеет. На Новый год, ненадолго.

Глава V

Городские улицы к концу года из-за непрекращающихся снегопадов сузились и оттого стали опасней. Асфальт, на котором автомобили своими шинами накатали ледок, стал похож на длинную дорожку для конькобежцев. «Вж-ж-ж-ж, бах» – бьют друг дружку машины в бока, спереди, сзади. Выбегают водители, ругаются, разводят руками. Стоят десятки, сотни автомобилей из-за этого в пробке. А до Нового года всего ничего – день. День, а сколько дел ещё! Ночами скребут дороги от снега, сгребают его снегоуборщики своими механическими лопатами и грузят в самосвалы. Сотни тонн уж вывезли, а сугробы всё не уменьшаются. Бросить бы всё это, весной само растает. Но как тогда городу до весны долгожданной дотянуть? Три месяца ещё зимы! Почти три.

У большого сугроба стоял снегоуборщик. Работы много, впереди – целая улица, а он стоит. Рабочие в жёлтых жилетах неторопливо ходили взад-вперёд и объясняли кому-то по телефону, что случилось. Впереди стоял огромный внедорожник чёрного цвета, который мешал расчищать улицу. Хозяина его не было, и как его найти в полночь, никто не знал. Подъехала, мигая огнями, дорожная полиция. Два офицера походили у автопрепятствия, куда-то звонили, а потом сели в машину и уехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.